

А.М. ОРЕХОВ

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ: К ПРОБЛЕМЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ И СТРУКТУРЫ*

Исследование феномена социальной теории вполне адекватно начинать с исследования вопроса о ее предмете. И здесь, в первую очередь, важно развести между собой основные смыслы термина (концепта) «социальная теория», а также продемонстрировать разницу, существующую, с одной стороны, между *строго* социальной теорией, а с другой — между социологической теорией, которую часто отождествляют с социальной теорией. Вообще, следует отметить, что в сфере социально-теоретического знания наблюдается своеобразная «агрессия» теоретической социологии, обозначаемая нами ниже как «социологический империализм». При всех заслугах социологии ее попытка действовать методом «социологического империализма» в глобальном поле социальной теории нам представляется совершенно неприемлемой; гораздо более рациональным будет подход, интерпретирующий социологическую теорию как только одну из возможных разновидностей социальной теории — при наличии большого числа других видов и типов последней. В целом же можно сказать, что социальная теория представляет собой теоретическое знание всей совокупности социальных наук, а не только теоретические или концептуальные конструкции одной-единственной из этих наук — будь то социология, философия, антропология и т.п.

Первым шагом в анализе предметной специфики социальной теории должен стать лингвистический (говоря более точно, семантический) анализ ее концепта (понятия). В каких основных значениях используется термин «социальная теория», и какие смыслы имеют здесь термины «социальный» и «теория»?

Всего, на наш взгляд, можно выделить пять основных значений термина «социальная теория»:

- 1) «социальная теория» как социально-философская теория;
- 2) «социальная теория» как социологическая теория;

---

* Статья опубликована в журнале «Личность. Культура. Общество». 2006. Т. 8. Вып. 4. С. 82-94.

3) «социальная теория» как любая теория в исследовательском поле социальных наук;

4) «социальная теория» как теория социальной работы и теория социальной сферы;

5) «социальная теория» как междисциплинарная, синтетическая теория, обобщающая основные теоретические результаты, достигнутые социальными науками.

Среди этих значений наиболее распространенными являются второй и пятый смысл термина «социальная теория», реже о «социальной теории» идет речь в первом и втором значении, и, наконец, совсем оригинально будет употреблять это понятие в значении «теория социальной работы и теория социальной сферы».

Ниже мы дадим детальный анализ каждого из пяти значений.

В первом своем значении «социальная теория» отождествляется с теорией, разработанной в рамках социальной философии и социально-философского знания: «“Социальная теория” подразумевает анализ широко распространенных философских проблем, но не является философией в полном смысле этого слова. В отрыве от философии общественные науки утрачивают всякий смысл»¹.

В целом, если определить социальную философию как *учение о предельных основаниях общества*, тогда и социальная теория должна разрабатываться именно в рамках этих учений. Если, например, такие учения имеют «научный» или «научообразный» («научоподобный») характер, тогда термин «социальная теория», возможно, окажется на своем месте, однако в том случае, когда социально-философское учение построено на антирационалистических, антисциентистских принципах и в этом учении отсутствует системность, доказательность, апелляция к эмпирическому и историческому опыту, тогда вряд ли следует утверждать, что мы имеем дело с социальной теорией.

Кроме того, существует еще один важный критерий для того, чтобы развести социально-философскую теорию и социальную теорию: это уровень обобщения и категориальное «наполнение» теории. Если тот или иной теоретик прибегает к наивысшему уровню обобщения и использует всеобщие (философские) категории, тогда он работает в рамках социально-философской теории. Однако если ученый применяет общенаучные категории, а уровень его концептуальных обобщений не претендует на то, чтобы быть философским, мы имеем дело именно с социальной теорией.

---

¹ Гидденс Э. Устроение общества. М., 2003. С. 11.

Также следует подчеркнуть, что если попытаться обозначить главную функцию социально-философской теории и, соответственно, такую же функцию социальной теории, то мы придем к различным результатам. Главная функция социально-философской теории – это *функция обобщения*, а главная функция социальной теории – *функция синтеза*. Обобщать – это далеко не то же самое, что синтезировать. Обобщение – операция в большей степени механическая, и чаще всего для того, чтобы стать креативной, она дополняется личным, персональным вовлечением индивидуального философского мышления в процесс обобщения, а также конструированием подходящих под это вовлечение норм и ценностей. Здесь допускается большая свобода полета творческой мысли, апелляция к мифу, религии или здравому смыслу. Синтез, в отличие от обобщения, – это не просто логический метод, это *научный* логический метод: он требует соблюдения всех основных критериев научности: доказательности, непротиворечивости, простоты, эвристичности, опоры на эксперимент и эмпирический опыт. Вот почему социальную теорию от социально-философской теории отличает больший сциентизм (позитивизм) и гораздо более жесткое следование нормам и идеалам научного знания.

В итоге наша аргументация сводится к тому, что нельзя отождествлять между собой социально-философскую и социальную теорию. Для того чтобы прийти к более точному концепту «социальная теория», необходимо отказаться от идеи его эквивалентности с термином «социально-философская теория», а также от идеи, что и структурно социальная теория должна копировать социально-философскую теорию и, в целом, социальную философию.

Например, мы хотели бы не согласиться с мнением Ю.М. Резника, предлагающего выделять в социальной теории *социальную онтологию* и *социальную эпистемологию*, поскольку все это не что иное, как «вотчины» социальной философии или, иначе, две отдельно взятые социально-философские науки. В социальной теории «социальная эпистемология» должна быть замещена «социальной методологией», а место «социальной онтологии» должна занять некий концептуальный каркас, отражающий (см. ниже) *идеально-нормативную структуру социальной теории*.

Теперь попробуем разобрать точку зрения, позицию, которая отождествляет между собой два основополагающих концепта – «социологическую теорию» и «социальную теорию». Естественно, что подавляющее большинство сторонников такого подхода – профессиональные социологи, а также лица, в той или иной степени этим социологам доверяющие.

Но сначала дадим определение термина «социологический империализм»: *социологический империализм* — это один из возможных типов междисциплинарного синтеза, в случае которого социальное исследование строится по модели социологической науки, а также с осознваемым или неосознаваемым убеждением, что именно социологической науке присущи наиболее эффективные методы получения нового социального знания.

Примером «социологического империализма» в российской социальной науке является подход Г.В. Осипова: «Социальная теория ...является достоянием социологической науки, подобно тому, как экономическая и демографическая теория входят, соответственно, в структуру экономических и демографических наук»².

Похожую точку зрения высказывает и английский исследователь Энтони Кинг: «Социальная теория возникла как специфическая субдисциплина (subdiscipline) внутри социологии в 70-е гг. XX в., и стала особенно заметной в восьмидесятые и девяностые годы. Она делает особый упор на стремление разработать онтологический и эпистемологический базис социологии, зачастую независимо от эмпирического анализа. Рассуждая слегка иронически, можно сказать, поиск социальной теорией онтологических и эпистемологических оснований (groundings) вел ее почти в каждом случае прочь от реальностей социальной жизни»³.

В действительности же «социологический империализм» начинает свое движение с методов социальных исследований и лишь заканчивает социальной теорией. Первый пункт на его пути — это отождествление *методов социологических исследований и методов социальных исследований*.

Так сложилось, что западная социология использует при обозначении социологических исследований термин «социальные исследования», и как только российским социологам удалось, наконец, ознакомиться в эпоху последних экономических и политических реформ со всем концептуальным богатством западной социологической мысли, они тут же пустили понятие «методы социальных исследований» (вместо «методов социологических исследований») в научный и образовательный оборот. Полученные дивиденды оказались весьма неплохими: везде, где речь заходит о «методах социальных исследований», подразумеваются, в подавляющем большинстве случаев, «методы социологического исследования»⁴!

---

² Осипов Г.В. Социология и социальное мифотворчество. СПб., 2002. С. 140.

³ King A. The Structure of Social Theory. London, New York, 2004. P. 5.

⁴ Из этого следует сделать вывод, что фундаментальной работы по «методам социальных (именно!) исследований» в России пока еще не написано. Но надеемся, такая работа всё же когда-нибудь появится на свет.

Гораздо более рационально обоснованную, на наш взгляд, позицию относительно понимания соотношения между социологической и социальной теорией занимает американский исследователь Д. Ритцер: «Социологические теории отражают разработки, осуществляемые в рамках социологии и представляющие интерес в основном для социологов. Социальные теории, как правило, междисциплинарны»⁵.

С этой позицией соглашается и Энтони Гидденс: «Мы хотели бы особо подчеркнуть, что используем термин “социальная теория” для обозначения проблем, волнующих все общественные науки. Круг этих проблем весьма широк. Речь идет о природе и характере человеческой деятельности и действующей “самости”, о том, как следует определить понятие взаимодействия и как оно относится к институциональным образованиям; а также об определении прикладного подтекста социального анализа. Я осознаю, что “социология” не является родовой дисциплиной, занимающейся изучением человеческих общностей в целом; скорее, она представляет собой отрасль социальной науки, которая концентрирует свое исследовательское внимание на “передовых” или современных обществах»⁶.

Гидденсу и Ритцеру вторит французский социолог Доминик Кола: «Утверждать, что социология признана быть социальной наукой, которая должна превосходить все другие науки, поскольку она раскрывает все пружины человеческого поведения, — это значит стать жертвой софизма»⁷.

Но, отвергая «социологический империализм», необходимо подчеркнуть, что социальная теория не должна становиться жертвой и других видов дисциплинарного империализма — «антропологического», «культурологического», «экономического» и т.п. По своей сути социальная теория междисциплинарна, полидисциплинарна и трансдисциплинарна, и она должна отражать теоретические достижения всех социальных наук, а не только какой-то одной из них.

Следующий смысл термина «социальная теория» (социальная теория как любая теория в исследовательском поле социальных наук) является, пожалуй, самым простым из всех существующих, и чаще всего используется либо в начальных курсах социальных наук (типа «обществознание» или «обществоведение»), либо у тех исследователей, которые более чем нестрого подходят к использованию тех или иных концептов и понятий в своих работах. Определение «социальной теории» является в

---

⁵ Ритцер Д. Современные социологические теории. М., 2002. С. 522.

⁶ Гидденс Э. Указ. соч. С. 10.

⁷ Кола Д. Политическая социология. М., 2001. С. 20.

таких случаях, как правило, весьма *свободным* — особенно в отношении понятия «теория»: это уже не строго обоснованная, доказанная и проверенная эмпирическим опытом система знаний, а вольная система каких-то положений — то, чему просто учат (т.е. учение) или что приводят в качестве тезисов для своих оппонентов.

Например, подобным образом определял социальную теорию американский исследователь Чарльз Лэмэрт: «Социальная теория, следовательно, есть просто словесное обозначение (name) для любого разговора (talk) о социальном мире, разговора, вырастающего из повседневных знаний, минимум которых нам необходим, чтобы мы оказались способны избежать последствий социальной деструкции»⁸.

Подобный, нестрогий, подход к термину «теория» характерен в первую очередь для постмодернистских и конструктивистских теоретиков в социальных науках, а также для социальных феноменологов. Снижение критериев научности и доказательности в социальном знании, выдвижение на первый план «повседневного» знания в ущерб знанию научному и теоретическому, умаление рациональных критериев в проверке социальной теории на истинность, сведение всех социальных связей и отношений к неясным образом интерпретированной «коммуникации» — таковы характерные признаки подобного постмодернистско-конструктивистско-феноменологического подхода.

Четвертый смысл термина «социальная теория» вытекает из использования определения «социальный» в узком его значении, как относящегося к проблемам социальной сферы или социальной работы.

Так, например, трактует социальную теорию американский исследователь Гарольд Схнепп. С его точки зрения, подлинным имиджем «социальной теории» обладает лишь социологическая теория, а сама по себе «социальная теория» — это не что иное, как применение социологической теории к реальной, практической жизни: «Социальная теория, как отличная от социологической теории, может быть определена как набор частично верифицируемых теорий и неверифицируемых гипотез (the set of partially verified theories and unverified hypotheses), которые используются в программах социального действия. Так, например, индивиды и организации, занимающиеся работой по предотвращению правонарушений, преступности и неудачных браков, улучшению человеческих отношений или международного взаимопонимания, или повышением общественного благосостояния, могут использовать более или менее легитим-

---

⁸ Lemert C. Social Theory: Its Uses and Pleasures // Social Theory: the Multicultural and Classical Readings. Boulder, 1999. P. 12.

ные принципы. Эти принципы не следует отвергать, но их никоим образом не следует смешивать с принципами, которые задает социологическая теория⁹.

Подобная точка зрения, предполагающая, что социальная теория — это теория социальной сферы или теория социальной работы, встречается и в российской научной литературе¹⁰. Но вряд ли ее можно представлять адекватной, поскольку подобный подход демонстрирует излишне узкое и явно прикладное понимание термина «социальная теория», которое невозможно применить в глобальном, междисциплинарном аспекте. Тем не менее мы не склонны отрицать права тех социологов, которые профессионально изучают социальную сферу, использовать термин «социальная теория» в указанном значении, противопоставляя его термину «социальная практика».

Обратимся, наконец, к пятому и последнему значению термина «социальная теория»: именно это значение нам представляется наиболее адекватным реальности, для которой и предназначена, собственно, социальная теория, и именно это значение мы будем использовать в дальнейшем в данной статье.

Социальная теория — это междисциплинарное, синтетическое знание, суммирующее все основные теоретические результаты, достигнутые социальными науками, и конструирующее на этом фундаменте базовые теоретические концепты, предназначенные для изучения всей социальной реальности.

Подобное определение уже при его первом прочтении сразу может вызвать определенный скепсис. Этот скепсис может быть заявлен, как минимум, с трех позиций.

Во-первых, могут заявить, что подобное *грандиозное мероприятие* просто не под силу сделать какой-либо одной дисциплине — пусть даже социальной теории, и как бы последняя ни пыталась суммировать теоретическое знание социальных наук, все равно эта ее деятельность будет больше походить на механическое агрегирование, чем на подлинный междисциплинарный синтез. Это будет своего рода первое методологическое возражение.

Во-вторых, на обозначенное нами определение может быть заявлен и социологически обоснованный скепсис. Могут заявить, что подобные попытки создать своего рода синтетическую социальную теорию уже предпринимались в прошлом (О. Конт, К. Маркс, Т. Парсонс) и они за-

---

⁹ Social Theorists. Milvachd, 1953. P. 374.

¹⁰ Напр.: Ларионов И.К. Социальная теория: общие особенности и основы России. М., 2001.

кончились отнюдь не глобальной социальной теорией, а лишь конструированием локальных направлений в ней (позитивизм, марксизм, функциональная теория).

В-третьих, может быть заявлено еще одно методологическое возражение: «При попытках интегрировать все социальные науки в один всеобъемлющий системный подход или создать синтетическую социальную супернауку возникает проблема, состоящая в том, что подобного рода широко-масштабный синтез чаще всего осуществляется с позиций одной дисциплины. При этом кажется сомнительным, чтобы дисциплинарная замкнутость могла быть преодолена за счет империализма одной дисциплины»¹¹.

Ответим сначала последнее возражение, а затем уже на первые два.

Обозначим вариант междисциплинарного синтеза, при котором социальная теория строится прежде всего с позиций одной социальной науки как «междисциплинарный империализм» («социологический империализм», «антропологический империализм» и т.п.) и зададимся следующим вопросом: угрожает ли подобная опасность социальной теории?

Конечно, такая опасность существует. Мы уже разбирали в начале этой статьи возможность подмены социальной теории теорией социологической и обозначали это как «социологический империализм». Но «социологический империализм» — не единственный вид «междисциплинарного империализма», который может угрожать социальной теории. Возможны и другие типы «империализма» — «антропологический империализм», «культурологический империализм», «философский империализм» (который как раз и состоит в уже рассмотренном нами выше сведении социальной теории к социально-философской теории), «политологический империализм» и т.п.

Решение вопроса заключается в том, чтобы в конструировании социальной теории выбирать тот тип междисциплинарного синтеза, который в наибольшей степени соответствует равноправному участию в ней различных социальных дисциплин. Если, к примеру, мы будем строить социальную теорию вышеобозначенным методом «империализма» — социологического, антропологического и т.п., т.е. давать приоритет одной социальной дисциплине за счет других, то ничего путного из этого не выйдет. Мы должны выбирать иной тип междисциплинарного синтеза, который нами характеризуется как «равноправное сотрудничество».

«*Равноправное сотрудничество*» — тип междисциплинарного взаимодействия, когда социальные науки оказывают примерно равное влияние — как

---

¹¹ Дудина В.И. Сравнительная эпистемология социального знания // Компаративистика. СПб., 2001. С. 13-14.

в целом друг на друга, так и на разработку каких-либо конкретных исследовательских проблем на «стыках» между собой, тем самым обогащая и углубляя как собственную, так и чужую теорию и методологию.

«Равноправное сотрудничество» – вариант междисциплинарного взаимодействия, в максимальной степени пригодный для конструирования социальной теории. Другое дело, что констатацией этого факта мы обозначили лишь *экстенсивную характеристику* подобного конструирования. Но процесс создания социальной теории имеет и *интенсивный параметр*: равные плацдармы участия всех социальных наук в нем отнюдь не предполагают *одинаковую глубину* этого участия. Вопрос надо решать стратегически: данные какой науки способны в каждый конкретный момент обеспечить фундаментальный прорыв в области теоретического знания об обществе? Если, к примеру, в данном случае методология «междисциплинарного империализма» всегда слепо указывает на одну и ту же науку, то методология «равноправного сотрудничества» эту проблему решает конкретно в зависимости от самой проблемной ситуации. Естественно, что чаще всего выбор будет падать на философию, историю, социологию, антропологию, экономику, психологию, политологию, но не исключены ситуации, когда прорыв в области фундаментального социального знания может быть обеспечен педагогикой, социальной экологией или гендерными исследованиями.

Теперь по поводу первых двух возражений.

Бесспорно, что одной социальной теории или одному социальному теоретику не в силах тащить на себе воз всех теоретических знаний в современных социальных науках. Времена Маркса и Конта в этом смысле давно миновали, и ни один исследователь (или даже группа исследователей) никак не способен заменить самим собой (самими собой) громадную армию ученых, работающих на переднем фронте социальных наук. Да и трудно представить себе ситуацию, чтобы какой-нибудь знаменитый антрополог, историк или экономист вдруг стал прислушиваться к мнению даже самого крупного социального теоретика. Если уж идеи выдающихся философов прошлого редко привлекаются для разрешения современных научных споров (как теоретических, так и методологических) в социальных науках, то что говорить об идеях современных или прошлых лет, даже самых выдающихся социальных теоретиков? Парадокс как раз и заключается в том, что главным соблазном социального теоретика всегда будет построение собственной глобальной социальной теории – теории, которая вряд ли будет кому интересна, кроме самого этого теоретика.

Следовательно, главная функция социальной теории – отнюдь не теоретическая (как может на первый взгляд показаться), а методологи-

ческая. Социальный теоретик должен не строить собственную социальную теорию, а ответить на вопрос: как построить социальную теорию?

Данный подход сразу отводит упомянутые нами выше возражения и одновременно «расчищает» дорогу для исследовательской работы самому социальному теоретику. Если методология построения социальной теории (или социальных теорий) становится главной точкой приложения сил социального теоретика, то методологические вопросы в теоретических концептах социального знания должны отнимать не меньше его внимания, чем вопросы теоретические. Социальный теоретик, подобно социальному философу, должен выполнять в социальных науках функцию *методолога*, — только реализовать эту функцию следует не с позиций всеобщей методологии (как у социального философа), а с позиций общенаучной методологии. Кроме того, социальный теоретик, в отличие от социального философа, должен выполнять в определенной степени еще и охранительную функцию: следить за тем, чтобы социальные науки, во-первых, оставались «науками» во всех смыслах этого слова, а во-вторых, продолжали исполнять роль «социальных» наук, не антропологизируя и не гуманизируя свое знание¹². Объект изучения социальных наук — это общество, а человек, личность или текст должны рассматриваться в них именно в этом, социальном (значимом для общества), контексте.

Ну, а если, к примеру, социальный теоретик все же будет стремиться построить свою глобальную, синтетическую социальную теорию? Каков будет результат в этом случае?

Вероятнее всего, вместо глобальной социальной теории мы получим лишь теорию в рамках отдельного, конкретного направления социальной теории — чаще всего уже известное и давно существующее, и крайне редко — еще никому не известное, оригинальное и уникальное направление. Именно подобным образом, кстати, сложилась судьба социальных теорий наиболее выдающихся теоретиков XIX-XX вв. — Конта, Маркса, Фрейда, Парсонса. Социальная теория Конта стала впоследствии обозначаться как «позитивизм», Маркса — как «марксизм», Фрейда — как «фрейдизм», Парсонса — как «структурно-функциональная теория»¹³.

Еще одним тезисом нашей работы является тезис о существовании прямой связи не только между социальной теорией и социальной методологией, но и между социальной теорией и социологией социальных наук.

---

¹² Например, с нашей точки зрения, идея Ю.М. Резника об «антропологической направленности» социальной теории — это прямое противоречие *сущности* самой социальной теории.

¹³ Впоследствии, как известно, возникли модернизированные варианты первых трех течений — «неопозитивизм», «неомарксизм», «неофрейдизм».

И здесь следует обозначить еще одну значимую функцию социальной теории и социального теоретика: они должны вплотную заниматься социальными предпосылками происхождения и эволюции теоретического знания об обществе, поскольку исследование подобных вопросов должно подведет их еще к одному важнейшему вопросу: откуда вообще берутся социальные теории и социальные теоретики? Если они существуют, то почему и зачем? Нуждаются ли общество и социальные науки в социальной теории и социальных теоретиках в принципе?

Ответы на эти вопросы не так просты, как это, вероятно, может показаться. Необходимость для общества иметь социальную теорию и социальных теоретиков должна выясняться на двух основных уровнях: идеологическом и теоретико-методологическом. Интерпретация последнего уровня, вероятно, сводится к тому, что на определенном этапе своего развития общество в целом — вследствие глобального развития социального знания — начинает испытывать потребность в том, чтобы имелись субъекты, которые бы выполняли синтетическую, интегративную, обобщающую функцию в отношении социального знания — оппозиционную процессам дифференциации последнего. Скажем так: это *общесоциальный аспект* заявки на социальную теорию и социальных теоретиков. Но каков может быть *идеологический контекст* этой заявки? Социальной теории может требовать для себя класс («пролетариат» в случае Маркса), нация, государство, социальная группа («технократы» в случае Конта) и т.п.

Но следует снова задаться вопросом: внедрение (вкрапление) *идеологического* в знание о социуме — это хорошо или плохо для социальной теории? Можно ли вообще создать социальную теорию без идеологии? Или любая социальная теория обязательно включает в себя идеологическую «догрузку»? Как вообще должны складываться взаимоотношения социальной теории и идеологии? Насколько в принципе социальный теоретик является идеологом?

Ответы на эти вопросы — мы снова подчеркиваем этот факт — социальная теория должна искать в союзе с социологией социальных наук. Из последней должна быть выделена в отдельную отрасль «социология социальной теории», которая наряду с «методологией социальной теории» должна стать «ударным ядром» в современных социально-теоретических исследованиях.

Все вышесказанное подводит нас к первой осторожной рефлексии относительно структуры социальной теории. Заметим, что один вариант такой структуры был предложен Ю.М. Резником, который описывал общую структуру социальной теории четырьмя основными «элементами»,

или «частями»: 1) социальная онтология; 2) социальная эпистемология; 3) социальная системология; 4) социальная праксиология.

Мы предлагаем иной вариант подобной структуры, но, на наш взгляд, социальная теория должна также включать в себя четыре основных части:

1) «концептуальное ядро» («элементы», из которых складывается социальная теория)¹⁴;

2) «магнитный пояс» (теоретические концепты, направленные на исследование существующих социальных теорий)¹⁵;

3) методология социальной теории («социально-теоретическая методология»);

4) социология социальной теории («социально-теоретическая социология»).

Естественно, что подобная структура еще нуждается в фундаментальной разработке, но, по нашему мнению, перспективы анализа социальной теории в свете подобной структуры весьма многообещающи и могут уже в ближайшее время принести интересные плоды. На одно из направлений работы, которое вписывается как в рамки «концептуального ядра», так и в рамки социально-теоретической методологии, мы хотим обратить внимание уже сейчас: это проблема так называемых «оппозиций» социальной теории.

Оппозиция социальной теории — это противопоставление социальной теории другому виду знания или деятельности, результатом которого является прояснение фундаментальных оснований социальной теории.

Всего, на наш взгляд, существуют четыре основных «оппозиции» социальной теории:

1) социальная теория — социально-эмпирическое знание;

2) социальная теория — социально-практическое знание;

3) социальная теория — гипотетическое знание в социальных науках;

4) социальная теория — историческое знание в социальных науках.

Для чего необходимо исследование «оппозиций» социальной теории?

Прежде всего, для того, чтобы каждый социальный теоретик смог прояснить для себя *концептуальные и дисциплинарные границы* социальной теории, а также примерный круг проблем, которыми она должна заниматься. Для этого необходимо противопоставить *теоретическое зна-*

---

¹⁴ На английском языке это часто обозначается как «элементы социальной теории» — «The Elements of Social Theory».

¹⁵ Название «магнитный пояс» может быть объяснено следующим образом: главная задача этих концептов — «притянуть» к себе все наилучшее, что есть в существующих социальных теориях.

ние социальных наук другим возможным видам знания, которые есть в этих науках. Сюда относится, во-первых, эмпирическое знание, во-вторых, практическое знание, в-третьих, гипотетическое (вероятностное) знание, и, в-четвертых, историческое знание.

Первая «оппозиция» указывает нам на фундаментальное противопоставление эмпирического социального знания и теоретического социального знания. Что нужно знать, чтобы отделить первое от второго? Сначала, конечно, то, что эмпирическое знание в социальных науках — это результат применения эмпирических методов исследования (социального наблюдения и социального эксперимента), а теоретическое — результат действия теоретических методов (анализа, синтеза, аналогии, моделирования, индукции, дедукции и т.п.). Далее следует также помнить, что в генетическом плане эмпирическое социальное познание чаще всего предшествует теоретическому познанию, опережает его; однако теоретическое исследование социального мира задает ориентиры эмпирическому социальному познанию, направляет его в нужном направлении. И, наконец, то, что теоретическое социальное познание конструирует *прогнозы развития социальных явлений и процессов*, а эмпирическое социальное познание подтверждает или опровергает этот прогноз. И, как окончательный рецепт, социальному теоретику необходимо научиться отделять, сепарировать социально-теоретическое знание от социально-эмпирического, что, в принципе, в большинстве случаев сделать вполне реально.

Вторая «оппозиция» призывает социального теоретика к разделению социально-теоретического и социально-практического знания. Социально-практическое знание — это знание, добытое непосредственно из общественной практики, без применения теоретических знаний об обществе; в некотором аспекте его можно еще обозначить как «стихийно-эмпирическое знание». Например, это может быть практический опыт политического руководителя, менеджера, предпринимателя и т.п. Безусловно, этот вид знания может быть включен в социальную теорию только после прохождения теоретической концептуализации, когда стихийно-эмпирические и стихийно-практические факты и явления в нем будут осмыслены как социально-теоретические. Если же мы попытаемся строго демаркировать границу между двумя видами социального знания в этой оппозиции, то мы должны *весьма жестко* подойти к попыткам представить как «социально-теоретические» те направления в современной философии, социологии и культурологии, которые исходят из приоритета обыденного, житейского, повседневного социального знания в отношении научного знания об обществе. Это, в первую очередь, социальная феноменология, этнометодология, «социология знания» (“sociology of

knowledge” – в англоязычной интерпретации, которая, на наш взгляд, имеет весьма отдаленное отношение к реальной социологии знания), постмодернизм и иные культурогенные теории общества.

Третья «оппозиция» задает проблему, пожалуй, наиболее сложную из всех четырех нами здесь представленных. Это связано с тем, что демаркация «теоретического» от «гипотетического» – одна из самых трудных в социальном знании. Подавляющее большинство существующих «социальных теорий» должны быть, скорее, рассмотрены не как «теории» в строгом научном значении этого слова, а как гипотетические конструкции с определенным набором концептов, которые с большим трудом поддаются как «верификации» – в ее традиционном неопозитивистском понимании, так и «фальсификации», если последнюю трактовать в исконном попперовском значении. Проблема также заключается в том, что это понимание термина «теория» мы так или иначе вынуждены распространять и на концепт «социальная теория». Вот почему социальному теоретику в его теоретических построениях необходимо стремиться предельно точно определять уровень гипотетичности его концептуальных построений и, по возможности, задействовать максимально полный набор критериев истинности, в том числе и те, которые разработаны в частных социальных науках.

Четвертая «оппозиция» – социально-теоретического и исторического знания – должна быть направлена на демаркацию теоретического и исторического знания об обществе. Главные функции исторического исследования, как известно, сводятся примерно к следующему: исследование единичных фактов прошлого человечества, а также их последующее обобщение и создание целостной картины процесса развития человечества. Исторические факты здесь выполняют функцию «эмпирических фактов», на базе которых выстраиваются те или иные исторические «теории».

Задача социального теоретика, вероятно, сводится здесь к следующему: анализируя информацию, поставляемую историческим исследованием, интерпретировать ее в таком духе, чтобы, не искажая фактуальную часть исторического материала, качественно выстраивать в концептуальный ряд ценностно-нормативный элемент исторической информации. Главная проблема – избежать двух крайностей: с одной стороны, слепого доверия историческим фактам и исторической информации, а с другой – излишнего недоверия к ней. Но очевидно одно: без опоры на исторический материал и без верификации историческими фактами любая социальная теория будет вызывать скептическое отношение к себе. Впрочем, это, в первую очередь, проблема социологов, для социальных

философов, к примеру, наше предупреждение гораздо менее актуально.

Итак, в этой статье мы попытались в первом приближении исследовать вопрос о предмете и структуре социальной теории. Естественно, что это лишь самый первый пункт ответа на фундаментальные вопросы: «Что есть социальная теория, чем она должна заниматься и как она должна конструировать свои выводы?». Выразим надежду, что объединенными усилиями российских и зарубежных социальных теоретиков эта проблема получит свое окончательное определение, а впоследствии и решение.